

УДК 811:37.02

СИНЕРГЕТИКА И ЛИНГВИСТИКА: МОДА ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА ЗНАНИЯ?

В. А. Маслова

Статья посвящена развитию идеи о возможности синергетики как научного направления оказывать влияние на создание новой парадигмы филологических исследований.

Ключевые слова: синергетика, фракталы, семантическое пространство, оппозиция, поэтический язык.

Кризис лингвистики как науки налицо, о чем свидетельствует, например, ее неспособность решить насущную проблему: построить модель диалога “человек — компьютер”. Попытки такие многожды предпринимались, но результат известен.

На диалог человека накладывается его воспитание, традиции культуры, его психосоматическое состояние в момент разговора, симпатии и антипатии и т. д. Человек окружен многими реалиями, которые он наследует, хранит и создает часто бессознательно и пользуется ими интуитивно. В вербальной коммуникации человека с человеком видна лишь вершина этого айсберга.

А кто сказал, что именно речевой диалог может быть единственным в диалоге “человек — человек”? Уже сейчас много примеров, когда люди понимают друг друга с полуслова, а то и вообще без слов: это диалог профессионалов, близких людей, любящих друг друга; высокое искусство тоже “говорит” языком небольшого числа символов.

А что если методы других наук перенести в лингвистику? Этим как раз и занимается синергетика. Попытки такого рода в лингвистике уже предпринимались при структурализме. Лингвистику пытались превратить в точную науку. Диалог гуманитария и математика один известный математик назвал “любовными играми слепых в зарослях крапивы”. При общей заинтересованности представителей обеих наук — сплошь и рядом возникает непонимание и неприятие.

Конечно же, мы всегда должны помнить, что существует опасность применения точных методов в антропной сфере, где человек непредсказуем, рефлексивен, окружен национальной культурой с ее традициями и т. д.

Что же даст синергетика лингвистике? Для начала попытаемся договориться о терминах, являющихся основными в новом направлении. Прежде всего, это *синергетика, теория диссипативных структур и фракталы*.

Синергетика (от греч. “синергена” — содействие, сотрудничество). Это мощное научное направление, объединяющее теорию сложных систем, теорию хаоса, теорию катастроф, теорию самоорганизации и т. д. В последние десятилетия такой синтез начался спонтанно в силу логики развития самой науки, интеграции ее дисциплин.

Но синергетика отличается от стыковых наук, т. к. она опирается не на пограничные, а на внутренние точки различных наук. Например, согласно теории катастроф су-

ществуют предкризисные явления, которые выражаются в критическом замедлении характерных ритмов системы, в увеличении амплитуды возможных флуктуаций. Эта модель, хорошо известная в физике фазовых переходов, сейчас нашла свое применение в экономике, психологии, искусствоведении т. д. Так, перед экономическим кризисом наступает хорошо известное состояние стагнации, когда характерные периоды оборота капитала заметно увеличиваются. Эти же эффекты можно наблюдать в явлениях природы — затишье перед бурей, в процессе творчества, в создании поэтических образов и т. д.

Достижения синергетики: она обогатила современную науку рядом принципиально новых представлений о хаосе, неустойчивости, самоорганизации. За последние 15 лет в издательстве Шпрингер в серии “Синергетика” вышло около 70 томов под редакцией профессора Штутгартского университета Германа Хакена, которому принадлежит и сам термин. В гуманитарных университетах России уже ряд лет преподается дисциплина “Концепция современного естествознания”, основанная на синергетической методологии [Буданов, 1996].

Объединение естественных и гуманитарных наук, которое влечет за собой синергетика, это объединение по сути двух культур, которые должны обогатить друг друга, дать целостное восприятие мира. Это опыт единения человека с природой и космосом. Для одних наук характерен рациональный способ постижения мира, для других в основном — интуитивно-образный. Их диалектическое единство заключается в том, что ни одна из них не самодостаточна и, согласно теореме Курта Геделя о неполноте, рано или поздно не сможет развиваться без привлечения методов и результатов другой. Поэтому синергетическое мировидение обладает большим междисциплинарным потенциалом. Так, например, Слово — это воплощение Божественного разума, идея вселенной, мыслящей, сознающей самое себя. Человек говорящий есть глас вселенной, с т. зр. С. Булгакова, в нас говорит мир, звучит голос вселенной. Современная наука доказала наличие глубинного изоморфизма всего в мире — живого и неживого, т. е. доказала то, что шестым чувством чувствовали поэты и писатели. Так, М. Пришвин, восхищаясь красотой кристаллов замерзшей воды, писал, что они близки по форме к растениям, что “связь между теми и другими формообразованиями очевидна”. К. Э. Циолковский также писал, что “Вся Вселенная жива, но сила чувствительности проявляется во всем блеске только у высших животных”. Кто из нас не видел, как Земля сама залечивает свои раны: на месте бывших карьеров сами собой возникают поля. Синергетика убедительно демонстрирует нам, что в самом фундаменте природы, как живой, так и неживой, заложен принцип инь-янь. Физик Н. А. Бульенков переоткрыл идею древних о воде как первооснове мира. Он доказал, что вода является основой для конфигурационного строения сложных структур природы, в том числе и биологических.

Однако прямой перенос достижений синергетики в лингвистику представляется нам трудоемким и долгим. Одна из первых ласточек в Белоруссии — работа А. Е. Михневича [Михневич, 2004]. Она парадоксальна в следующем смысле: чтобы ее понять, нужно знать больше, чем в ней написано. Например, нужно знать, что такое диссипативные структуры; это следующее явление: в открытых системах, обменивающихся с окружающей средой потоками вещества или энергии, однородное ста-

ционарное состояние равновесия может терять устойчивость и необратимо переходить в неоднородное стационарное состояние. В рамках данного процесса А. Е. Михневич и рассматривает понятия значения и смысла.

Для современной лингвистики характерны приблизительные и упрощенные представления о сложной структуре и типологии семантических пространств. Покажем это на примере. Понимание оппозитивности как важнейшего принципа мышления, культуры и языка берет начало в трудах Пифагора и Гераклита, затем Гумбольдтом и Соссюром переносится на язык. “В языке нет ничего, кроме оппозиций”, — писал Ф. де Соссюр. Таковы оппозиции *внутреннего — внешнего, высокого — низкого, мужского — женского, далекого — близкого* и т. д. Это простые оппозиции, в которых каждый ее член равноправен, т. е. равен другому. Но есть и иные оппозиции: фон — фигура, материал — форма. Так, понятие фигуры предполагает наличие фона, но не наоборот: фон может существовать и без фигуры. Это сложные оппозиции, при исследовании которых необходим синергетический подход. Такова оппозиция “значение — смысл”, рассмотренная в работе А. Е. Михневича.

Но мы знаем, насколько важен синтез этих оппозиций. Как он происходит? Как оппозиции переходят в дополительность (см. “принцип дополительности” Н. Бора)? В языке происходит интересная и необъяснимая на первый взгляд вещь: в нем независимо и спонтанно от носителей языка происходит самоорганизация, объединение членов оппозиций в единое гармоническое целое, т. е. синергетический переход оппозиций в дополительность внутри кооперативного целого. Особенно это характерно для поэтического языка. Например, в языке известны противопоставления (оппозиции) *человек — конь (лошадь)*, по принципу дополительности возникает слово *всадник* (человек на лошади). Вот как использует и преобразует эти понятия М. Цветаева: с одной стороны, символ коня она использует для обозначения поэта, т. е. человека: *Пожирающий огонь — мой конь*. Или:

*И безудержно — мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошлого за пачкой пачку...*

С другой стороны, она подчеркивает абсолютную спаянность коня со всадником, невозможность их отдельного существования. Так, в письме Р. Рильке (май 1926 г.) она пишет: “Райнер! Следом посылаю книгу “Ремесло”, там найдешь ты святого Георгия, который почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их и не называю. Твой всадник! Ибо всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник — оба вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник: **ВСАДНИК**” (7, 60). Таким образом, *лошадь — всадник* — это сложная разноуровневая оппозиция. На первый взгляд, между простой оппозицией *лошадь — человек* и сложной *лошадь — всадник* нет разницы. Но М. Цветаева как тонкий интуитивный лингвист ее почувствовала и экстериоризовала для нас.

Теперь о термине *фракталы*. Физик Б. Мандельброт [Mandelbrot, 1977] обратил внимание на то, что довольно широко распространенное мнение, будто размерность является внутренней характеристикой тела, неверно. В действительности размер-

ность объекта зависит от наблюдателя, точнее от связи объекта с внешним миром: клубок ниток с далекого расстояния кажется маленьким шариком и т. д. Здесь язык не обманывает нас: весь пространственный отсчет ведется от наблюдателя: налево, направо, вверху, внизу, под боком...

Синергетику интересуют общие закономерности развития и функционирования систем любой природы, т. е. она призвана играть роль метанауки, подмечающей и изучающей общий характер закономерностей, которые частные науки считали только “своими”.

Применения синергетики. 1. Она способна помочь выйти из кризиса системе образования, кризис в которой обусловлен в том числе узко прагматическими установками, ориентацией на узко дисциплинарный подход без горизонтальных связей, ориентацией на жесткое разграничение гуманитарных и естественных наук. Следствием такого разграничения становится фрагментарность в видении реальности. Мы страдаем от неспособности охватить комплексность проблем, понять связи между объектами, находящимися для нашего фрагментарного сознания в разных областях. Отсюда необходимость усилить фундаментальность образования, дающего целостное видение природы, человека и общества в контексте междисциплинарного диалога. Но вводить это нужно осторожно: помнить о врожденных склонностях людей, которые делятся на лево- и правополушарных.

2. Построить новую теорию языка, основанную на синергетике, это будет нелинейная теория языка, основанная на шероховатостях, алогизмах в языке, которые как раз и являются носителями нелинейности. Такая теория ждет своих Пригожиных и Мандельштамов.

3. Особый интерес представляет синергетика для исследования поэтического языка. Основная идея здесь — понимание поэтического языка как нелинейной динамической системы. Если использовать при его описании принцип синергетики, то объект может быть непротиворечиво описан со взаимоисключающих друг друга точек зрения. Например, рассмотреть поэзию в аспекте интерпретации оппозиции *смысл* — *бессмыслица*. Одно описание будет ориентировано на аномальные факты, другое от них должно абстрагироваться. Поскольку на второй аспект ориентируется традиционная лингвопоэтика, остановимся на первом. Здесь можно дифференцировать чисто языковые аномалии и логические противоречия (бессмыслицы). Ю. Д. Апресян их разграничивает так: “Критерием того, что бессмысленная или логически противоречивая фраза правильна в языковом отношении, служит отсутствие в языке альтернативного способа выражения той же самой мысли, который воспринимался бы носителями языка как более правильный” [Апресян, 1995, с. 609]. К логическим противоречиям мы не относим сюжетную фантастику, а предлагаем исследовать лишь “фантастику языка” (по Я. И. Гину) и экзотику узуса.

Языковые аномалии возникают в результате игнорирования запрета самого языка. Например, в “Седьмом стихотворении” А. И. Введенского, представителя обэриутов, есть такая фраза: *рысь женилась*. Здесь мы наблюдаем заполнение пустого места ущербной глагольной парадигмы, которая дала нарушение лексической сочетаемости, но правильность грамматического согласования сохранилась.

Логическое противоречие — это такое отклонение от узуальной реализации языковой системы, которое не затрагивает самой системы и обнаруживается на основе нашего знания о мире. Примером может служить строка стихотворения М. Цветаевой “Уединение: уйди...”: *В уединении груди —/ Справляй и погребай победу...* Именно о поэзии можно сказать в духе Ж. Делеза — “нонсенс дарует смысл”.

Поэтический язык постоянно озабочен тем, чтобы высказать то, что лежит за пределами самого языка, выразить некую до-словесную реальность. Например, поэт О. Мандельштам, еще до философа М. Бубера, который считается первооткрывателем проблемы, показал нам, что подлинный диалог — чудо, он происходит на доязыковом уровне:

*Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.
... Да обретут мои уста
Первоначальную немому —
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста*
(Silentium, 1910)

М. Цветаева также чувствовала тайну безмолвия:

*Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, —
Да разве я то, говорю,
Что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.*

Таким образом, простая оппозиция *говорить* — *молчать* превращается здесь в сложную. Такой подход позволяет увидеть сложное устройство семантических пространств. Вероятно, если наш обычный язык пульсирует между одномерием и разномерием, то язык поэтический более склонен использовать разномерие. Дрейф языковых значений происходит в сторону экспликации архетипических черт нашего сознания. *Знать на черте губ* — здесь использовано народное представление о том, что ребенок еще в утробе способен “говорить” и “понимать” мир, а затем при рождении ангел запечатывает ему уста, и ребенок потом до конца дней носит эту “печать ангела”: бороздку между носом и губами.

А. А. Кобляков вводит понятие “трансмерность” [Кобляков, 2005], которое позволяет фиксировать в сравниваемых объектах разнородность качеств. Он показывает, что все логические парадоксы возникают при некорректном сравнении разномерных объектов (*Я сплю; я лгу* и т. д.). Следовательно, трансмерность — некий модельный элемент, ответственный за механизмы становления и самоорганизации [Аршинов, Свирский, 1994, с. 43].

Но поэт видит трансмерность оппозитивных отношений, он интуитивно чувствует их, ибо, как и всякий человек, он погружен в язык как самоорганизующуюся среду жизнедеятельности.

Здесь в процессе синтеза оппозиции, формирования разноразмерных пар сложных оппозиций, язык проявляет свойства открытой нелинейной среды, способной к самоорганизации, к синтезу, к спонтанному переходу на более сложный уровень структурной организации.

И здесь впереди физика, которая уже отделила классические системы (линейные) от динамических (нелинейных) — И. Пригожин и Л. Мандельштам. Добро и зло — тоже носит нелинейный динамический характер. Семантические пространства этих оппозиций едины, непрерывны, но не гомогенны. Составляющие их субпространства разномерны.

По Ю. С. Степанову, филиация идей — световой луч, по которому дух и разум человека осторожно ступает, поднимаясь все выше и выше. Пожелаем А. Е. Михневичу набрать здесь небывалую высоту, а мы пойдем вслед.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Избранные труды в 2 т. М., 1995, т. 2.
 Аршинов В. И. Когнитивные стратегии синергетики // Онтология и эпистемология синергетики. М., ИФРАН, 1997.
 Аршинов В. И., Свирский Я. И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994.
 Буданов В. Г. Синергетические стратегии в образовании // Философские проблемы образования. М., 1996.
 Кобляков А. А. Синергетика, язык, творчество // www.eboog/e.ru
 Михневич А. Е. Значение — смысл: диссипативный процесс // Вестник МГУ, сер. 9, филология. 2004, №5.
 Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Мир, 1984.
 Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1987.
 Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1981.
 Mandelbrot B. B. Fractals. San Francisco: W. H. Freeman and Co. 1977.

Маслова В. А. Синергетика та лінгвістика: мода чи нова парадигма знання?

Статтю присвячено розвитку ідеї о можливості синергетики як наукового напрямку впливати на створення нової парадигми філологічних досліджень.

Ключові слова: синергетика, фракталі, семантичний простір, опозиція, поетична мова.

Maslova V. A. Synergetics and linguistics: the fashion or the new paradigm of the knowledge?

The article is devoted to the development of the idea about the possibility of synergetics as the scientific direction to have an influence on the philological researches.

Key words: synergetics, fractals, semantic space, opposition, poetic language.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2006 г.

УДК 81'42:81'373

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ПОЭЗИИ

Е. Ю. Муратова

Статья посвящена специфике функционирования языкового знака в поэзии. Рассматривается вопрос о знаковой принадлежности фонемы в поэтическом языке; анализируется особое проявление соотношений “язык – реальная действительность” и “язык – речь” в поэтических текстах; исследуется специфика эпидигматических отношений в поэтическом языке.

Ключевые слова: языковой знак, поэзия, поэтический язык.

Природа и сущность языкового знака являлась и является предметом исследований многих ученых, но однозначного и общепринятого определения категории значения языкового знака до сих пор не существует. Объективной причиной этому является глобальность и крупномасштабность понятия значения, базирующегося на неисчерпаемости и постоянных изменениях как внешнего мира, так и человеческого сознания, а субъективной — то, что проблема значения, именно в силу его глобальности, может рассматриваться с разных точек зрения и решаться различными способами.

Неоднозначным является в науке ответ на вопрос о том, какие языковые единицы являются языковыми знаками. Э. Бенвенист, Д. Ричардс, С. Огден, С. Ульман, В. А. Звегинцев, А. И. Смирницкий и др. считают только слово языковым знаком, поскольку оно имеет все виды отношений, необходимых для возникновения знаковой ситуации. Другие лингвисты языковыми знаками считают все двусторонние единицы языка — морфемы, слова, словосочетания и предложения (Ф. Де Соссюр, Ч. Моррис, Л. Блумфилд, Л. Ельмслев, А. Мартине, В. Г. Гак, отечественные языковеды). С развитием теории коммуникации получила распространение точка зрения, что языковыми знаками являются коммуникативные единицы — слово, предложение, текст, т. к. их объединяет дискретность, самостоятельность функционирования, многоплановость, цельность, единство формы и содержания, значения и значимости; они поддаются аналитическому и синтетическому исследованию, проявляют себя с позиций статики и динамики (структуры и функционирования) в качестве самостоятельных элементов речевой коммуникации и языкового процесса.

В последние десятилетия все серьезнее отстаивается точка зрения о знаковой принадлежности фонемы. Так, Ю. С. Маслов, Л. М. Васильев считают фонемы знаками в силу того, что фонемы обладают различительной, дистинктивной функцией. Наличие у слов фонетического значения (т. е. наделение фонем знаковыми признаками) доказывал Р. Якобсон [1]. Фонетическую значимость, звукознаковый смысл слов, предложений, стихотворных текстов раскрывает А. П. Журавлев [2], замечая, что “речь идет не о жестком законе, а лишь о тенденции, о стремлении формы и содержания слов к взаимному соответствию” [3]. Идеи А. П. Журавлева развивают В. В. Левицкий и И. Черепанова. В частности, В. В. Левицкий [4] в своей монографии